

Госпожа Жоу явно запаниковала и чувствовала себя виноватой, а Сяо Вэнь Шу уже давно поджал губы и молчал. В зале суда повисла мёртвая тишина, не было слышно ни звука.

Собравшиеся зеваки не ожидали внезапного появления молодого господина Се — образованного, утончённого, красивого и к тому же невероятно сообразительного. Дело, от которого даже у судьи разболелась голова, он смог разобрать предельно ясно, при этом приперев противника к стене так, что тот онемел.

Люди не глупы. Пусть они и не видели, стоял ли кто-то за всем этим и каковы были мотивы, но историю любви этой госпожи Жоу и её двоюродного брата разглядели чётко и ясно.

До чего же просто: сука и кобель — достойная друг другу пара. Ей подавай и реальную выгоду, и доброе имя, и чтобы все вокруг хвалили, превозносили и крутились вокруг неё. Она так упивалась собственным величием и жертвенностью, так натурально играла, что сама в это поверила!

Людам от природы свойственно жалеть слабых или сопереживать себе подобным, надеясь, что если они сами, к несчастью, окажутся в подобной ситуации, найдётся кто-то, кто им поможет. Или же они хотят заявить о себе, защищая справедливость, чтобы казаться великими — всё равно ведь боль-то терпеть не им. Но люди также любят вступать в споры и рассуждать, а ещё они обожают всякие истории, например, рассказы о красавицах, чья красота — лишь скелет под слоем румян *, или о красавицах, которые превращаются в демонов...

*П.п. «Скелет под слоем румян» — устойчивое выражение, уходящее корнями к буддийской практике. Суть в том, чтобы монах, глядя на прекрасную женщину, представлял её гниющим трупом или голым скелетом. Это помогало осознать иллюзорность физической красоты и побороть плотскую страсть. Часто используется как предостережение не обманываться внешностью. В литературе и фольклоре так часто называли роковых женщин или демонов, скрывающих свою ужасающую суть под маской обольстительной красавицы, например, в «Путешествии на Запад».

Поразительно!

Кто был посообразительней, уже всё понял из слов Се Тин Юэ и, указывая на госпожу Жоу, называл её бесстыдницей.

Остальные, естественно, тут же подхватили. Каждый внезапно прозрел, а кто не прозрел и ничего не понял... вынужден был плыть по течению, доказывая, что он не глупец!

Не поддаваться чарам красоты, ясно видеть правду — разве не в этом суть зорких и умных трудящихся!

— Бесстыдница!

— Такого бесстыдства я за всю свою жизнь не видывал!

— Я тоже такого не видала!

— Какой толк от красоты? Красавица, что под личиной скрывает нечистую совесть — как ни посмотри, отвратительно!

— И как только родители её воспитывали...

— Как такой человек смог заключить помолвку? И как смеет она стоять в этом зале суда? Будь я на её месте, давно бы уж головой об стену убилась!

Ситуация изменилась невероятно быстро и безжалостно.

Госпожа Жоу от этих ругательств совершенно опешила.

С самого детства она всегда была объектом восхищения. Разве когда-нибудь её так отчитывали?

Не в силах сразу прийти в себя и не имея подобного опыта, она не знала, как вести себя в такой ситуации. В конце концов, она могла лишь невнятно лепетать, подыскивая оправдания:

— Да что вы понимаете... Как вам, обычным людям, постичь, что такое любовь? В тот день, когда мы столкнулись с опасностью в горах, мой брат бросил меня не потому, что не любит. Это я велела ему бросить меня, я умоляла его об этом, я не хотела, чтобы он из-за меня погиб... А я оставила его, потому что не могла спасти. В тот момент я сама держалась на ногах лишь благодаря другим и не могла допустить, чтобы они оказались в опасности. Будь я одна, даже если бы мне грозила жалкая смерть, я бы всё равно попыталась спасти брата... А вы... никто из вас никогда не сталкивался с выбором между жизнью и смертью, какое вы имеете право меня оскорблять?

Говоря это, госпожа Жоу, казалось, нашла точку опоры, и её голос становился всё твёрже и громче:

— Вы не имеете права судить меня! Вам легко говорить! Вы просто ничего не понимаете, не понимаете!

Хан Цин Си вздохнула:

— Нет, ты ошибаешься. Всё это — ничто. То, что довелось пережить некоторым людям, ты даже представить себе не можешь.

Се Тин Юэ посмотрел на лицо Хан Цин Си — живое, изящное, но в то же время, хранящее отпечаток пережитого времени...

За этими словами скрывалась история.

А разгадка сегодняшней ситуации крылась вовсе не в том, как всё было на самом деле, и не в поведении Сяо Вэнь Шу, а в самой госпоже Жоу. В ней таилась какая-то необъяснимая сила, и стоило её сокрушить, разбить вдребезги, как противник потерпел бы полное поражение.

У Се Тин Юэ мелькнула мысль, и с хитрым блеском в глазах он посмотрел на Хан Цин Си:

— Мыслей этой женщины я действительно не понимаю. Позвольте спросить у вас, госпожа: если бы вы с супругом столкнулись с подобной опасной ситуацией, как бы вы поступили?

На самом деле, даже если бы Хан Цин Си ничего не ответила, он уже знал ответ. В тот день под проливным дождём он уже видел, как держалась эта чета.

Хан Цин Си задумалась, а затем бросила взгляд на Сяо Юнь Фэна.

Казалось, Сяо Юнь Фэн и она прекрасно понимали друг друга. Словно читая её мысли, он ответил ей невероятно нежным взглядом. Он промолчал, но его намерения были предельно ясны: что бы она ни решила сделать или сказать, он во всём её поддержит.

Хан Цин Си улыбнулась и внезапно обернулась к толпе, подол её юбки очертил красивую дугу:

— Мой муж однажды пропал на два года, полагаю, все вы об этом знаете. Но что именно произошло за это время, вы, возможно, не знаете.

В толпе зевак слышались резкие вздохи, глаза у всех загорелись любопытством.

Живя в одном уезде, все они были соседями и краем уха слышали о некоторых тайнах, но истинной подоплёки никто не знал. Неужели сегодня всё откроется!

Хан Цин Си продолжила:

— На моего мужа однажды напали, он был тяжело ранен и находился при смерти. Все лекари в один голос велели мне готовиться к похоронам. Но я человек упрямый, и не послушалась. Мой муж целый год пролежал без сознания и был не в состоянии о себе позаботиться. Я была рядом и ухаживала за ним. Когда он очнулся, то был словно трёхлетний ребёнок, напрочь забывший всё своё прошлое. Иногда он лепетал что-то бессвязное, говорил, что не хочет меня обременять. Я била его до тех пор, пока он не перестал даже заикаться об этом. Потом меня саму отравили: целый год я не могла ни говорить, ни ходить, яд повредил мои внутренние

органы так сильно, что мне теперь трудно забеременеть. Я всячески пыталась показать мужу, что не хочу быть ему обузой. Он меня бить не стал, лишь молча опускал голову, но куда бы он ни шёл — в безопасное место или навстречу опасности, по важному делу или по пустякам — не было случая, чтобы он не нёс меня на своей спине.

— Разве можно сосчитать, со сколькими опасностями мы с мужем столкнулись за эти годы? Если бы мы вели себя как вы, каждый день ломая комедию и ожидая от других похвал да поддержки, разве мы бы дожили до сегодняшнего дня?

Госпоже Жоу тут же стало нечего сказать.

Толпа тоже притихла. Это... тут и сравнивать нечего! Та парочка выглядела просто жалко, слишком уж ничтожно! К тому же супруги Сяо никогда не гордились этим и не распинаясь о своих бедах перед посторонними...

Се Тин Юэ с улыбкой посмотрел на госпожу Жоу:

— Вот видите, жизнь супружеской пары зависит от них самих, а не от чужой похвалы. Вы с братом, возможно, и впрямь любите друг друга, но вы не понимаете, как изменчив мир и как непостоянны человеческие сердца. У вас просто нет сил справиться с такими испытаниями. Вы боитесь опасности. В обычное время это нормально, но случись беда — вы непременно на собственном примере покажете, что значит «каждый сам по себе». В конце концов, вашей любви просто недостаточно. В глубине души больше всего вы любите лишь самих себя.

Люди в толпе непрерывно закивали. Как же верно сказано!

Посмотрите на супругов Сяо: они всегда знали, чего хотят. Выбрав человека, выбрав свой путь, они шли только вперёд и никогда не сдавались. Они могли смело следовать зову своего сердца и были готовы принять любые, даже самые плохие последствия, прилагая все силы, чтобы жизнь наладилась, принесла плоды и наполнилась счастьем.

Се Тин Юэ вздохнул:

— Так скажите, на что это похоже? Спектакль на сцене или детская игра в семью?

Этот удар оказался поистине сокрушительным, он поразил госпожу Жоу в самое сердце. Не в силах больше стоять на ногах, она бессильно осела на землю и зарыдала:

— Нет, это не так... всё не так...

Хан Цин Си произнесла:

— Я действительно не понимаю твоих мыслей. Да, мы, женщины, порой и впрямь не обладаем достаточной силой, но я никогда не отпущу своего мужа, даже если стану для него обузой.

Сяо Юнь Фэн подошёл и взял её за руку:

— Я тоже. Даже если окажусь в гиблом месте, я возьму жену с собой. Потому что знаю: жив я или мёртв, без меня она не будет счастлива.

Эти двое прошли через множество опасностей и теперь постигли главное: муж и жена — единое целое. Пока они вместе, любые дни будут для них хорошими.

По какой-то причине, несмотря на то что перед ним не разыгрывали трагедию, не клялись в вечной любви и не пытались выдавить слёзы, Се Тин Юэ вдруг почувствовал, как защипало в глазах. Он подсознательно взглянул на Чу Му.

Чу Му как раз смотрел на него, и в глубине его ясных, выразительных глаз, казалось, вздымались и падали волны прилива — бурлящие, неудержимые.

Се Тин Юэ всё понял.

На этот раз Чу Му больше не завидовал этой супружеской паре, потому что теперь всё это было и у него.

Атмосфера в зале суда в одно мгновение стала нежной.

До чего же прекрасна была картина, когда супруги Сяо, глядя друг на друга, улыбались!

Все вокруг вздыхали: вот это настоящие муж и жена, вот это истинные чувства!

Что же касается любви госпожи Жоу и её двоюродного брата, разве там была любовь? Это же смешно! Какая жертвенность, какая взаимная поддержка? Они лишь наслаждались величием собственных страданий, и жалели они не друг друга, а самих себя, когда им приходилось несладко!

— Разве не глупо? Жизнь — это ведь не игра на сцене. Неужели так плохо быть хоть чуточку искренними?

— К слову, я видела таких женщин, и живут они не слишком хорошо. Те, у кого жизнь по-настоящему складывается — люди понимающие.

— И правда, вечно упоминать прошлое да свои жертвы — мужчин этим не растрогаешь. Со

временем им это лишь осточертеет, и они вовсе не будут считать, что чем-то тебе обязаны. Только ты сама будешь считать, что он тебе должен.

— Вот именно, если мужчина и впрямь разлюбил, что ни говори — бесполезно. Будешь вечно цепляться за прошлое — только сама измучаешься.

.....

Наблюдавшие за происходящим женщины начали говорить о другом: они перешли от ругани к спорам об истине.

Госпожа Жоу совсем остолбенела.

На этот раз она получила настоящий удар: её непоколебимые убеждения были разбиты вдребезги, и она не знала, как теперь жить дальше.

Стоявший в стороне Се Тин Жи с болью в сердце смотрел на неё. Он подошёл, чтобы поддержать её:

— Ничего страшного, у тебя всё ещё есть я. Я не дам тебя в обиду...

— Уйди!

Эмоциональное состояние госпожи Жоу уже достигло предела. Зажав уши руками, она закричала, в её голосе звучал резкий протест.

— Сестра...

Сяо Вэнь Шу смотрел на госпожу Жоу со смешанным чувством, не зная, то ли подойти утешить, то ли лучше промолчать.

Се Тин Юэ, видя, что момент подходящий, решил ковать железо пока горячо:

— На самом деле, меня интересует лишь одно: Сяо Вэнь Шу, ты сломал ногу, так как же ты спустился с горы? А спустившись, где жил? Почему семья Сяо ничего об этом не знала?

Как он и предполагал, в этой жалобе главной была госпожа Жоу, а Сяо Вэнь Шу во всём её слушался. Сейчас же её взгляд был пустым, внимание полностью рассеяно, и, разумеется, она не могла дать ему никаких подсказок или указаний. Сяо Вэнь Шу растерялся, не зная, что делать.

Но Се Тин Юэ стоял перед ним и требовал ответа. Если молчать слишком долго, судья ударит деревянной колотушкой, призывая его к ответу. Не имея иного выхода, Сяо Вэнь Шу пришлось пробормотать:

— Это... кое-кто проходил мимо и протянул руку помощи.

Се Тин Юэ слегка приподнял бровь. В душе он понимал, что этим человеком наверняка был Янь Хун.

Нужно заставить Сяо Вэнь Шу назвать имя!

Се Тин Юэ продолжил:

— Так можешь ли ты быть уверен, что он проходил мимо, чтобы помочь тебе, а не навредить? Почему бы тебе хорошенько не вспомнить всё от начала до конца: что этот человек тебе говорил, в чём ввёл в заблуждение? Твоё сегодняшнее обращение в суд — это действительно твоя собственная мысль, или кто-то другой заставил тебя в это поверить?

Сяо Вэнь Шу некоторое время молчал, но лицо его постепенно становилось всё более мрачным. Должно быть, в нём зародились подозрения.

Се Тин Юэ холодно усмехнулся:

— Родным и сородичам, с которыми ты бок о бок прожил столько лет, не веришь, а какому-то прохожему поверил? Сяо Вэнь Шу, пораскинь своими жалкими мозгами. За все эти годы глава рода хоть раз тебя тронул? Ты каждый день воображаешь, что он вредит тебе. Да если бы он и впрямь хотел тебе навредить, позволил бы он тебе жить спокойно до сих пор? Ты кого за дурака держишь?

Сяо Юнь Фэн был человеком прямолинейным и не любил словесных перепалок, однако это не значило, что он не умел выбирать момент. Увидев, что Сяо Вэнь Шу заколебался, он тут же заговорил:

— Сяо Вэнь Шу, ты не раз перечил мне, но я, как глава рода, не сводил с тобой счёты. Однако за то, что ты подал на нас жалобу, придётся ответить по родовым законам. И как бы там ни было, ты всё же член рода Сяо. Если ты готов раскаться в своих ошибках и вернуться со мной, то заветы предков тебе известны.

Не оставлять в беде ни одного сородича...

Как мог Сяо Вэнь Шу этого не знать!

От порки палками ему было не уйти, но стоит лишь вернуться и появится шанс на жизнь. Тот человек говорил красиво, утверждая, что снаружи небо высоко, а земля широка, но в большом мире полно опасностей. Если он умрёт... то даже не будет знать, где его похоронят.

Сяо Вэнь Шу стиснул зубы и признался:

— Это был торговец по имени Янь Хун. В тот день, когда сломал ногу, я случайно встретил его. Мне тогда было до крайности неловко, сердце переполняла обида, и я не хотел просить тебя о помощи. Он выслушал мою историю и дал совет. Сказал, что я достоин жалости, что я словно жемчужина, покрытая пылью, которая в будущем непременно засияет, и обещал щедрую помощь...

Всем всё стало ясно.

Оказалось, это за конфликтом стоял посторонний*.

*П.п. Более дословно у автора говорится: чужак решил выступить в роли палки-говномешалки.

Кто такой этот Янь Хун? Какая обида, какая вражда заставила его так вредить людям?

Да и этот глупый учёный тоже хорош: разве так берегут лицо?!

На этом этапе рассмотрения дела истина уже вышла на свет. Лу Ли кивнул уездному судье.

Судья сразу понял, какое решение нужно вынести.

Этот Янь Хун оказался весьма хитёр: судя по рассказу Сяо Вэнь Шу, он не произносил никаких прямых подстрекательств, а лишь разжёл эмоции юноши, подтолкнув его к такому решению. По закону наказать его было невозможно.

Супруги Сяо были невиновны, на них просто ни за что ни про что свалилась нежданная беда.

Устроив весь этот спектакль, Сяо Вэнь Шу и госпожа Жоу лишь сами себя загнали в ловушку, рассмешив людей.

Судья немного подумал, а затем ударил деревянной колотушкой:

— Сяо Вэнь Шу, я тебя спрашиваю: будешь ли ты дальше судиться с главой рода?

Сяо Вэнь Шу сразу же замотал головой:

— Не буду, не буду...

Судья произнёс:

— Доказательств по этому делу недостаточно, жалобщик уже сам изложил свои мотивы: это чистой воды ложный донос. Супруги Сяо невиновны и должны быть немедленно освобождены. За безосновательный ложный донос жалобщики, по закону, подлежат наказанию. Однако, принимая во внимание, что одна из вас — слабая женщина, а другой — калека со сломанной ногой и тяжёлыми травмами, наказание палками отменяется и заменяется денежным штрафом. Вы признаёте свою вину?

У Сяо Вэнь Шу задрожали губы, а глаза покраснели:

— Я... я...

У него же нет денег, как он может признать!

Сяо Юнь Фэн тотчас же сложил руки в почтительном жесте:

— Господин судья, семья Сяо признаёт! Я могу внести деньги за своего сородича, а он вернёт их в будущем.

Под стук судейской колотушки, оглашающей приговор, этот фарс подошёл к концу.

Зеваки насладились зрелищем вдоволь. Они восхваляли судью за мудрость и справедливость, за то, что он любит народ, как собственных детей. Восхваляли главу рода Сяо за добродетель и за то, что он даёт роду надежду. Восхваляли второго молодого господина Се за ум, красоту и изящество — имея такого друга, чего ещё можно желать!

Лишь один человек был недоволен.

Янь Хун в ярости швырнул чашку, его лицо потемнело.

— Никчёмные твари! Бесполезные!

Ему подвернулась такая прекрасная возможность. Сяо Вэнь Шу — это ещё ладно, но вот госпожой Жоу можно было отлично воспользоваться, и план в его голове созрел почти мгновенно. Натравить этих двоих на Сяо Юнь Фэна, чтобы они цеплялись к нему и устраивали скандалы, лишив того возможности помочь Се Тин Юэ. Это как раз сыграло бы ему на руку, чтобы разделаться с Се Тин Юэ.

К тому же в последнее время его репутация сильно пострадала, народ роптал, и ему нужно было придумать, как отвлечь внимание. Когда всплыло бы это дело и поднялась большая шумиха, разве у людей осталось бы время злословить о нём?

В итоге всё пошло прахом, дело провалилось!

Опять этот Се Тин Юэ, ну и острый же у него язык!

— Ладно, Се Эр...

Янь Хун в ярости скрежетал зубами.

Изначально эта поездка в уезд Цин была связана с одной сделкой, но теперь он возненавидел Се Тин Юэ.

«Если я его не прикончу, то моя фамилия не Янь!»

— Хозяин... что нам делать дальше? — спросил дрожащим голосом лавочник, стоявший в стороне и наблюдавший за выражением его лица.

Янь Хун потёр переносицу:

— Красильную траву нашли?

Лавочник ответил:

— Мы всё время были заняты важным денежным делом, и только-только освободились. Сведений удалось собрать немного...

— Найдите! Немедленно найдите! — Янь Хун прищурился. — Раз этот Се Эр покинул столицу и незаметно прибыл в уезд Цин, значит, здесь точно есть красильная трава и в большом количестве!

Он был абсолютно уверен в этой информации!

.....

Тем временем у Се Тин Юэ наконец-то появилось время подробно изложить Лу Ли и Чу Му свой план борьбы с Янь Хуном:

— Используем красильную траву.

Лу Ли был недоволен действиями Янь Хуна. Раз уж закон был бессилён, нужно было заставить этого человека поплатиться. Но обычные штрафы здесь не сработают: Янь Хун заработал столько, что потеря небольшой суммы серебра не причинила бы ему большого вреда. Как же наказать его по-настоящему, чтобы он узнал, что такое страх?

Всё просто: нужно заставить его понести огромные убытки, чтобы ему было до боли жалко.

Поднеся к губам чашку и сделав маленький глоток, Се Тин Юэ слегка приподнял бровь:

— Разве он всё ещё не хочет со мной разобраться? Раньше он был занят зарабатыванием денег, и ему было некогда, а теперь, разбогатев, у него нашлось время подбивать других на подлости. Значит, появилось свободное время и руки зачесались.

Чу Му усмехнулся:

— Ты хочешь устроить ему ловушку.

— Разве я не заключил сделку с семьёй Сяо? Пусть они пустят слух, что мы договаривались вовсе не о шёлке, а о красильной траве, и что я просил их помочь со скупкой за долю от прибыли, — с улыбкой произнёс Се Тин Юэ. — Если семья Сяо будет действовать «постоянно нечаянно опаздывая на шаг», разве Янь Хун не бросится скупать всю красильную траву, чтобы подставить меня?

Лу Ли мгновенно всё понял:

— Но ведь на самом деле тебе нужна вовсе не красильная трава, а шёлк! Заставим Янь Хуна потратить кучу денег на скупку этой травы, после он не сможет её продать, и в итоге она зависнет мёртвым грузом у него на руках. Он понесёт огромные убытки!

Се Тин Юэ лучезарно улыбнулся:

— Именно так.

Ещё в столице, распуская ложные слухи, он вынашивал этот план, и кое-какие приготовления уже велись втайне. Теперь же, когда всё шло гладко, да ещё и появился такой друг, как семья Сяо, всё сложилось само собой. Самое время подсекать!

— Насчёт этого дела лучше бы спросить принца Ли, — тихо напомнил Чу Му.

Се Тин Юэ и Лу Ли поняли намёк. Как ни крути, а у Янь Хуна... то ли старшая, то ли младшая сестра была наложницей в резиденции принца Ли. По сути, он приходился ему своего рода «шурином». О таком серьёзном деле, которое нанесёт тяжёлый удар человеку, следовало доложить.

Можно было спросить и напрямую, без обиняков и намёков.

Последние дни принц Ли находился в самом оживлённом районе города под защитой властей. На него больше не покушались, и настроение у него было отличное. Услышав вопрос, он растерянно переспросил:

— Так... Ты хочешь разобраться с Янь Хуном, но какое это имеет отношение ко мне?

Лу Ли легонько кашлянул, огляделся по сторонам и понизил голос:

— Говорят, у этого богатого торговца по фамилии Янь есть сестра, которая является наложницей в резиденции принца...

— Янь? — принц Ли долго думал, прежде чем вспомнил. — Кажется, у меня была наложница по фамилии Янь... Погодите-ка, так этот Янь Хун, прикрываясь моим именем, бесчинствует? Да какая же он мне родня? Эта Янь не отличается ни добродетелью, ни красотой, и я редко видел её в последние два года, а она смеет творить такие дела?

Принц Ли не на шутку рассердился и серьёзно посмотрел на Лу Ли:

— Господин Лу, смело действуйте по закону! Я больше всего на свете ненавижу пронырливых* мерзавцев. Обязательно накажите его как следует!

*П.п. Дословно: увиваться как муха, пресмыкаться как собака.

Лу Ли остался очень доволен. Сохраняя изящество и подобающую почтительность, он ответил:

— Ваше Высочество мудры. Я непременно буду действовать по закону!

Что касается Се Тин Юэ и супругов Сяо — здесь, конечно, проблем не возникло. Сяо Юнь Фэн согласился без малейших колебаний.

Хан Цин Си, казалось, питала особую неприязнь к таким дельцам, как Янь Хун. Её позиция была крайне жёсткой:

— Я считаю, молодой господин Се слишком добр. Разве такого наказания достаточно? Нужно

этого Янь Хуна полностью разорить, вот тогда будет в самый раз!

В глубине души она твёрдо решила осторожно подкинуть дровишек, чтобы пламя разгорелось ещё сильнее.

Слух о том, что семья Сяо втайне скупает красильную траву, успешно разлетелся по округе. Где есть товар, сколько его — все эти сведения также дошли до ушей Янь Хуна.

Янь Хун и не подозревал, что это ловушка. Думая, что он предугадал действия противника и на этот раз победа у него в кармане, он решительно шагнул в расставленные сети.

Он начал появляться в разных местах, на шаг опережая других и скупая красильную траву.

Хан Цин Си вступила в ценовую войну.

Красильная трава сама по себе не была особо ценной, но товару страшна не цена, а то, что его расхватывают. А если за товар идёт борьба — меняется спрос и предложение, и цена, само собой, поднимается.

Янь Хун то и дело «случайно» сталкивался с Хан Цин Си в самых разных местах. Обе стороны яростно торговались за товар, и чем ожесточённее была схватка, тем правдоподобнее всё выглядело. Это лишь доказывало, что рынок красильной травы действительно огромен, и Се Тин Юэ просто обязан закупить именно такой объём!

Хан Цин Си действовала не одна: она привлекла Се Тин Юэ, заставив его участвовать в этом спектакле. Как бы ни были хороши отношения, поручив дело местному воротиле, нельзя же самому сидеть сложа руки, верно?

И Се Тин Юэ, изображая крайнюю озабоченность, начал мотаться по округе.

Несколько раз «случайно» столкнувшись с Янь Хуном, он был вынужден притворяться, будто ничего не знает, и с невозмутимым видом здороваться:

— Господин Янь, на чем это вы собрались разбогатеть? Выглядит как трава...

Янь Хун сейчас больше всего остерегался именно его. Время ещё не пришло, и, конечно же, он не мог раскрыть противнику свои карты. Он со смехом отшучивался:

— Да так, всего лишь целебные травы, на них большого состояния не сделаешь.

Се Тин Юэ хмурился:

— Целебные травы? А мне кажется, похоже на красильную траву, которая нужна моей семье...

Янь Хун:

— Вовсе нет, молодой господин Се обознался!

Говоря это, он заложил руку за спину и подал знак доверенному лавочнику. Лавочник был человеком смышлёным. Он тихонько вошёл в лавку, нашёл пучок целебных трав и вышел, делая вид, будто только что достал их из ящика с товаром:

— Посмотрите, молодой господин Се, это и впрямь всего лишь целебные травы.

Се Тин Юэ посмотрел и, как и ожидалось, весьма разочаровался:

— ...Ах, значит, это действительно целебные травы. Я слишком волновался вот и перепутал.

То отговорки, то уловки... Успехи Се Тин Юэ были плачевны, и лицо его становилось всё более мрачным, а Янь Хун в душе всё больше ликовал. Всё-таки он был богаче и искуснее. Пусть он и потратил немало денег, но как только он скупит все запасы красильной травы и заставит Се Тин Юэ прийти к нему на поклон, разве тогда не он будет диктовать цену, а Се Тин Юэ придётся платить столько, сколько он скажет?

Распираемый самодовольством, он ещё и лицемерно изображал заботу:

— Что это с вами в последнее время, молодой господин Се? Если вас что-то беспокоит, расскажите, может, я смогу помочь?

Лицо Се Тин Юэ застыло, он хотел было что-то сказать, но осёкся и в конце концов уклонился:

— Нет, ничего, хе-хе.

В душе Янь Хун был на вершине блаженства от самодовольства. Ему хотелось упереть руки в бока и расхохотаться в голос, запрокинув голову. «Придёт время, и ты будешь умолять меня!»

С любым спектаклем всегда так: когда играет один человек — это слишком однообразно, когда двое — легко разгадать, а вот если втянуть троих или четверых — у каждого свои мысли, свои поступки, вода замутится и уже не разберёшь, что к чему.

Представление началось удачно, враг попался в ловушку. Се Тин Юэ больше не нужно было действовать с осторожностью. Янь Хун уже преисполнился уверенности и всю фантазировал о своей грядущей великой победе, и о том, как Се Тин Юэ будет стоять перед ним на коленях и

умолять!

Тогда он не только хорошенько зарабатывает, но и заполучит нежную красотку — до чего же жизнь хороша!

П.п. Дорогие читатели, я улетаю в отпуск, так что увидимся во второй половине марта.

<http://bllate.org/book/13821/1569292>